

СКАЗКИ ВЕРЫ ЛАВРИНОЙ

ТРЕПЯСТОК

**СКАЗКИ
ВЕРЫ ЛАВРИНОЙ**

**ХУДОЖНИК
ОЛЬГА ПОМЫТКИНА**

Кемерово — «Кузбасс» — 2005

ББК 84Р7
Л13

Лаврина, В.

Л13 Третьячок [Текст]: сказки / Вера Лаврина. — Кемерово : «Кузбасс», 2005. — 72 с. — (Серия «Сказки Веры Лавриной»). — 2500 экз. — ISBN 5-85905-297-9.

Книга сказок детской писательницы Веры Лавриной написана в духе лучших народных традиций. Герои увлекательных и жизнерадостных сюжетов — простодушные, обаятельные, порой незадачливые. Язык сказок насыщен весёлыми поговорками и шутками. Иллюстрации выполнила известная художница Ольга Помыткина. Книга предназначена для детей младшего школьного возраста и для семейного чтения.

ББК 84Р7

ISBN 5-85905-297-9

© В. Л. Правда. Текст, 2005
© ОАО ИПП «Кузбасс». Макет, 2005

ТРЕПЯСТОК

У матушки с батюшкой изба светлая да просторная, крыльцо кружевное. А в избе украшеньице — шесть сыновей-крепышей. Каждый молодёц на свой образец. Только седьмой, последушек, не удался — трёх пядей ростом остался. Его так и прозвали — Трепясток*.

Сыновья все переженились, от матушки с батюшкой отделились, охота и младшему жениться. Просит он матушку с батюшкой заслать сватов к Акулине-красавице, певунье, забавнице.

Акулина как узнала, от кого сваты пришли, рассмеялась и говорит:

— Замуж бы хорошо, не отпираюсь, а вдруг я вашего жениха в перинах затеряю, а то в щах или чае утоплю невзначаем? — так со смехом и проводила сватов.

Погоревал Трепясток, но судьбину не одолеешь кручиной. Взял он палочку, заострил её с одного конца и говорит отцу с матерью:

— Киньте вы, матушка с батюшкой, палочку на землю: куда острый конец укажет, на ту сторону и благословите меня, пойду свою суженую искать, как я, росточком, мне — жену, вам — дочку.

Не стали мать с отцом сына неволить, кинули палочку и благословили его на ту сторону, куда острый конец указал.

Отправился Трепясток в путь. Шёл он, шёл, устал, сбил ноги на большой дороге. Тут повстречались ему прохожие люди — шапки меховые, лица кривые.

— Ты куда, — спрашивают, — Трепясток, поспешаешь, встречный народ ростом своим потешаешь?

Трепясток отвечает им не лукавя, всё по правде:

— Я иду искать свою суженую, как я, росточком, мне — жену, матушке с батюшкой — дочку.

— Знаем такую, — говорят прохожие, — пойдём с нами, мы тебя по-сватаем, женим, в шелка оденем.

* Трепясток — маленький человек трёх пядей ростом. Пядь — старинная русская мера длины, равная примерно двадцати сантиметрам.

Обрадовался Трепьясток и пошёл с ними. А прохожие лихими людьми были, злодеями. Привели они Трепьястка в город, ремешками его связали и продали богатой боярышне Капризе Всеславне на потеху.

— Вы, — говорят, — Каприза Всеславна, посадите его в клеточку, а то он убежит. А будет говорить, что, мол, шёл искать свою суженую, а мы его силком вам продали, не верьте мальцу-хитрецу — мы его сами купили за сто денег, а вам, Каприза Всеславна, за полцены уступаем, потому как уважаем.

Видит Каприза Всеславна — помертвел Трепьясток.

— Что это он, — спрашивает, — так огорчается, будто с белым светом прощается?

А лиходеи говорят:

— Похвалялся, что двести денег стоит. О себе возомнил, да сильно продешевил, вот и обиделся.

— Вишь, какой обидчивый, — усмехнулась Каприза Всеславна, — ну мы его отучим похваляться да по глупостям обижаться.

Махнула боярышня белой ручкой, повела соболиной бровью, слуги живо Трепьястка в сундучок засунули и в горницу к ней доставили.

Порхала птичка по полю да попала в неволю. Посадили Трепьясточка в золочёную клеточку. Ключик у Капризы Всеславны в карманчике. Стала Каприза Всеславна гостям Трепьястка показывать, хвалиться забавою. Гулять с ним в садик выйдет, на верёвочке отпустит: порезвись, Трепьясток, потешься. Слугам приказывает смотреть за ним в оба. Одежду ему шили шелковую, кушанья давали сладкие. Только яства в неволе горше полыни.

Была у Капризы Всеславны в прислужницах сиротка Матрёна. Жила она с бабушкой в ветхой избёнке в лапотной слободе. Печь да рогожа рваная — вот и всё приданое. Ходила Матрёна к боярышне полы мыть да чугуны чистить. Полюбился ей Трепьясточек, она его жалела, утешала, как умела. И Трепьясточек каждый день ждёт не дождётся, когда Матрёна придёт. Привязались сиротка и Трепьясток друг к дружке, как серёдка к краюшке.

Рассказала Матрёна бабушке своей, что держит Каприза Всеславна Трепьястка в клетке себе на потеху.

— Недоброе это дело, вздорное, — сказала бабушка, — научу я тебя, внучка, как выручить Трепьястка.

Пошла как-то Каприза Всеславна в гости, ключ от клетки в карманчике. Вот она разговорами развлекается, чайком угощается. Прибегает тут Матрёна:

— Беда, боярышня! Пожар начался в вашей горнице, всё огнём горит. Вот-вот Трепьясточка опалит! Меня за ключиком к вам послали.

Взволновалась Каприза Всеславна, отдала ключик Матрёне, сама быстрёхонько домой засобиравалась.

А Матрёна быстрее ветра в боярский дом прибежала, клетку ключиком открыла, Трепясточка схватила — и к бабушке. У бабушки уже большая корзина готова. Обвязала она корзину верёвочками и кликнула с крыши стаю голубей. Дала каждому голубку концы верёвочек в клюв и наказала:

— Как Матрёну с Трепястком в корзину посажу, высоко в небо её поднимайте и несите в Пречистенский лес к сестре моей, Егорушне. А я тут, в погребце, спрячусь.

Вернулась Каприза Всеславна домой. Видит — пожара-то и не было, клетка золотая стоит пустая. Закричала Каприза Всеславна, руками замаяхала, ногами затопала.

— Ну-ка, слуги мои верные, храбрецы-молодцы, возьмите луки и стрелы, мечи да копья, схватите Матрёшку и Трепястка, доставьте их живыми или мёртвыми.

Прибежали слуги к Матрёниной избушке. Видят — высоко над избушкой корзина поднимается, несёт её стая голубков, а в корзине — Матрёна с Трепяском. Выше церковных маковок голубки поднялись.

Стали слуги в корзину копыя метать и из луков стрелять. И попала одна стрела в Матрёнушку. Принесли голубки корзину в Пречистенский лес к Егорушне. Была бы радостная встреча, да вот оно, горе, недалече. Умирает Матрёнушка, с белым светом прощается. Занесли её в избушку, на перины уложили. Егорушна хлопочет, снадобья к ране прикладывает, травами внучку поит. Да, видно, стрела-то была травленая — не жить Матрёнушке на белом свете.

Тут говорит Трепясочек:

— Бабушка Егорушна, Матрёна мне дороже всего. Было б десять жизней — все их за один Матрёнин денёк отдал. А уж одной жизни и вовсе не жалко. Неужто нельзя спасти мою подруженьку?

— Есть одно средство, — отвечает Егорушна. — Если Духом Живоносным обвеять Матрёну, оживёт она. А Дух этот только с того света можно принести. Такое не каждому богатырю под силу, Трепясточек. Стоит на краю земли Трясун-гора, в ней дыра, на дыре — дверь, у двери — зверь. От той дыры и ведёт пещера на тот свет.

— Пойду я в ту пещеру, — говорит Трепясток. — Если Матрёна умрёт, на что и мне жить?

Не стала Егорушна отговаривать его, собрала в дорогу. Напоила она стаю голубей могун-водой. Дала Трепястку свой платок, горшок с крышкой и птаху краснопёрую и говорит:

— Для зверя — платок, для Духа Живоносного — горшок, в проводники тебе — птаха, а отвага — для страха. — И наказала: — Зайдёшь в пещеру, не оглядывайся, не останавливайся и молчи, как зола в печи, птаху из виду не упускай. Ну, как сдюжишь, так и послужишь.

Сел Трепясток в корзину. Голуби от могун-воды, как жеребята, сильны. Подняли корзину и понесли её на край света. Долетели до Трясун-горы. Трясун-гора стоит не шелохнётся. У двери спит зверь, обликом ужасный, голова с котёл, морда шипами, пасть с клыками — взглянуть страшно. Подошёл к нему Трепясток тихонько и накинул на него платок Егорушны. Тут Трясун-гора загудела, затряслась. Зверь проснулся, заурчал, лапами заскрёб, да вскочить не может: Егорушнин платок его будто цепями держит. Гора ходуном заходила, тогда дверь в ней открылась. Птаха краснопёрая порхнула в дверь, Трепясток — за ней. Ради любимого сердцем — войдётся в любую дверцу.

Наполнилась пещера воплями и рыками, клёкотом и свистом. Из темноты рожи чудовищные вылезают, лапы мохнатые тянутся, пещерные стены сходятся, будто раздавить грозятся. Бьётся его сердчишко в груди, как гирька. Краснопёрая птаха впереди летит, огоньком горит. Нечисть то захохочет, то пеленой глаза заволочёт. Идёт Трепясток, не останавливается, страх отвагой побеждает. Вот уж свет впереди забрезжил. Видит он — Матрёна стоит перед ним живая, руки к нему тянет.

— Стой, Трепясток, не ходи дальше — погибнешь. Видишь, живая я, вернёмся с тобой обратно. Обманула тебя старуха. Дух Живоносный ей самой нужен, чтоб омолодиться. Послала она тебя сюда на верную гибель.

Дрогнуло у Трепястка сердце, не знает он, что делать. Ну, думает, где свет, там тьме не бывать. Взял он Матрёну за руку и повёл за собой. Рука у неё холодная, что лёд. Идут они, света всё больше прибывает, а Матрёна, как туман, тает. Стены пещеры расступились, тут и вовсе Матрёна исчезла, только тёмный дым взвился. Понял Трепясток, что не Матрёна это была — оборотень пещерный.

А всё вокруг уже светом заполнилось. Чем дальше идёт Трепясток, тем ярче свет разгорается, так что глаза ломит. Видит он — дивный сад перед

ним раскинулся. Вот и здесь он — Дух Живоносный. Открыл Трепасток горшок и, когда Живоносный Дух туда вошёл, крепко его запечатал. Хотелось ему по чудесному саду побродить, но твёрдо он о Матрёнушке помнил и тут же в обратный путь отправился.

Когда вошёл он в пещеру, нечисть почувствовала Дух Живоносный — притихла да приуныла. Открылась дыра, вышел Трепасток на этот свет, сел в корзинку, голубки его вмиг в Егорушнину избушку доставили.

А Матрёна уж мёртвая лежит. Узнала Егорушна, что добыл Трепасток Живоносный Дух, и говорит:

— Не время горевать, Трепасток. Ляг рядом с Матрёной и глаза закрой.

Навела она сон глубокий на Трепастка, открыла горшок и овеяла Живоносным Духом мёртвую Матрёну и спящего Трепастка.

Затрепетали ресницы у Матрёны, зарумянились щёки. Открыла она глаза: рядом молодец незнакомый спит, росту богатырского, лицом — красавец.

— Где Трепасток мой, Егорушна? — спрашивает Матрёна.

Егорушна улыбается:

— А ты на доброго молодца взгляни, не узнала? Это Трепасточек твой, он тебя от смерти спас.

И Трепасток ото сна пробудился. Как тут сердцу не возрадоваться: Матрёна жива, Егорушна весела, сам он — красавец-молодец?

Посадила Егорушна молодых в корзину, и помчали их голуби к отцу, к матери.

А матушка с батюшкой горюют, не знают, как сыночка поминать — за здравие или за упокой. Напекла матушка блинов, вышла во двор, кинула один блин голубке и загадала: коли съест она блин на земле, нет сыночка в живых, а коли унесёт, то жив. Подхватила голубка блин и понесла его к небу. Подняла матушка глаза вверх, видит — что за диво? — в небе стая голубей летит, корзину несёт.

Опустилась корзина прямо на родительский двор, вышли из неё молодец и девица. Молодец говорит:

— Здравствуй, матушка, здравствуй, батюшка, я сын ваш, Трепасток, а это суженая моя, Матрёна, благословите нас по русскому обычаю.

Какова радость была матушке с батюшкой! Сыграли они детям свадьбу, и зажили все счастливо. И бабушка Матрёнина с ними жила, внучаток нянчила.

Вот и знайте, пострелята: горе придёт — принимай, зубы сжимай; оно не зря даётся: намучит, да счастью обучит.

ПРЯНИЧНЫЙ ЖЕНИХ

Ходили слухи, будто женился пряник на стряпухе. Мы те слухи услышали, всё доподлинно для вас узнали.

Жила-была стряпуха, такая искусница: как приготовит угощение — еди да снеси, медовухи да затерухи, гости как наедятся — в дверь не проходят. Тогда крышу разбирали и через крышу их вытаскивали.

Вот только видом она была некрасива: толстым-толста, в обхват — верста, брови — крышею, сама рыжая. Никто её замуж не брал. Ждала, ждала она сватов и решила:

— Коли не нашлось для меня Ванек, так выйду замуж за пряник. Испеку сама себе жениха.

Замесила она тесто подовое, медовое и говорит:

— Тесто, тесто, я невеста, будь мне женихом.

Вылепила стряпуха человечка, глаза — изюминки, губы — вишенки, кудри ореховые, рубашку и штаны украсила с потехою. Испекла да на полотенце выложила. Жених хоть куда! Хошь — ешь, хошь — утешь, хошь — на рынок понеси.

Взяла стряпуха пряничного жениха и побежала в церковь.

— Обвенчай меня, батюшка, с моим женихом, — просит.

Батюшка посмотрел на жениха, как зашумит, закричит на стряпуху:

— Ах ты, рыжая, бесстыжая! Где это видано, чтоб с пряником венчались?

— А меня никто замуж не берёт, вот я испекла себе жениха. Ты, батюшка, обвенчай. Может, он женится да переменится, живости наживёт, есть, спать начнёт.

— Вот когда живости наживёт, тогда и обвенчаю. А теперь жениха забирай — прочь ступай.

Опечалилась стряпуха: как же её жениху живости набраться? Идёт она домой, горюет — навстречу ей бабушка-калябушка.

— Что, доченька, невесёлая? — спрашивает.

— Да вот, испекла себе жениха, а в нём живости нету.

— Живости нету? Это дело наживное. Я с дедом век толкусь, знаю, от чего у них живость появляется. Ты вот что сделай. Как придёшь домой, положи жениха своего на печь да садись за стол ужинать, — увидишь, что будет.

Стряпуха поблагодарила бабушку-калябушку за совет. Домой пришла, так и сделала. Жениха на печь положила, щей себе налила. Ест и приговаривает, щи нахваливает:

— Ох, щи хороши, наваристы.

А пряничный жених лежал-лежал на печи да вдруг поднялся и говорит:

— Женихом называть называют, а щей не наливают. Какая без щей живость в теле появится? Эдак я к другой невесте уйду.

Стряпуха подскочила, от радости себя не помнит. Жениха за стол усадила, щей ему налила. Жених щей наелся — совсем живёхонек стал.

Теперь жениха с невестой можно венчать и свадьбу играть. Устроили пряничный жених и стряпуха такой пир, что гости три дня угощение ели и половины не одолели. Тогда по всем окрестным лесам и полям зверей собирали, чтоб они угощение за гостями доедали. Не пропадать же добру!

